

С. Н. ВАЛК

В. Н. ТАТИЩЕВ И НАЧАЛО НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Введение в изучение истории русской литературы XVIII в.» П. Н. Беркова в своем полном виде составит основополагающий труд для всякого дальнейшего изучения литературы этого времени. В первой вышедшей части его, особенно яркой в изложении новейшей историографии, в развитии которой столь выдающееся место занимают труды самого ее автора, определены условия, которые придают историографическому исследованию «подлинную научную объективность». П. Н. далее отмечает, что вместе с тем внимание исследователя должно быть направлено также на изучение и научное истолкование возникновения тех форм, в которые отливаются в разные периоды истории литературной науки различные литературно-исторические труды.¹ Нижеследующие замечания относятся именно к возникновению той новой формы, которую приняла русская историческая литература в XVIII в.

Распространенным, если даже не общепринятым, является мнение, что Василий Никитич Татищев в своем знаменитом труде «История российская» является своего рода последним русским летописцем. Самоотверженная работа Татищева над «Историей российской», для которой ему в годы напряженной служебной деятельности, по его признанию, «кроме ночи, уединиться и внятно рассмотреть времени не достает»,² продолжалась тридцать лет. В течение этих долгих лет Татищев не только писал все новые разделы своей «Истории», не только правил уже написанные им главы, иногда переписывая их заново не один раз, но и меняя свои общие взгляды на задачи своего труда и на характер, который ему следовало придать.

Татищев был одним из просвещеннейших людей своего времени. Со времени своей первой поездки в Германию он начал собирать книги по философии, географии, истории и другим наукам.

¹ П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII в., ч. I, Очерк литературной историографии XVIII в. Л., 1964, стр. 14.

² История российская, т. IV. Л., 1964, стр. 101.

В «Истории российской» он ссылается на многие и многие десятки авторов, среди которых находим имена едва ли не всех тогдашних знаменитых философов (Вольфа, Томазия и др.), историков (Слейдана, Пуфендорфа, Целлария, Кранца и др.), на выдающиеся энциклопедические труды того времени (Бейля, Мартиньера, Вальха) и др. Часть этих книг была приобретена им еще до начала работ над составлением «Истории российской».³ Татищев не только читал эти книги, но и критиковал их, указывая, что и «преславные философы, писав историю, погрешили, яко приклад имеем о Самуиле Пуфендорфе, Роберте Байле, Витсене, бургомистре амстердамском, и других».⁴

В «Предызвещении», написанном, когда «История российская» уже приобрела свой окончательный вид, Татищев счел полезным изложить свои наблюдения над современной ему западной историографией, подчеркивая тем самым сложность задач, которые предстали перед ним в самом начале его работы. Перебирая разные исторические построения, Татищев прежде всего остановился на самом общем делении существовавших в то время исторических работ «по свойствам дел», в них рассматриваемых; именно предметом одних были божественные дела, а других — гражданские. В свою очередь, и в «гражданских» историях оказались различные «звания», смотря по «намерениям писателей». С такой точки зрения одни труды — это «генеральные или универсальные» истории, огличающиеся, по наблюдениям Татищева, тем, что они «в одно время сносят» события разных областей и «качеств» («где что приключилось»), другие же — это истории «партикулярные», которые излагают события одной лишь области, но «со всеми обстоятельствами»; наконец, третьи — «особинные» истории, имеют предметом изучения только один «предел» (местность), одного человека, одно «приключение». Другой признак, который Татищев положил в основу различения тогдашних исторических трудов,

³ Библиотека Татищева насчитывала уже более 1000 томов, когда он оставил ее на Урале при отъезде оттуда в 1737 г. Остатки ее были впервые обследованы известным уральским краеведом Н. К. Чупиным, который в 1860 г. насчитал до 120 ее томов (Н. К. Чупин. Библиотека В. Н. Татищева в Екатеринбурге. — «Московские ведомости», 1860, № 203). Вновь обнаружены были остатки этой замечательной библиотеки в 1961 г. при разборке книг в Свердловском областном краеведческом музее В 1962 г. музей издал брошюру: Книги В. Н. Татищева в фондах краеведческого музея. (Предварительная информация). Свердловск, 1962. Список книг составил здесь 78 номеров. Имена авторов и названия книг приводятся в брошюре не в подлинном их виде, а в русском переводе, притом до неузнаваемости иногда их искажающем. Так, Sleidanus здесь превратился в «Глайдана» в одном случае (№ 27) и в «Клайдани» в другом (№ 42). Кроме стал «Краммером», Krantz — «Гранци» и т. п.; о переводе названий книг нечего и говорить, до какой степени они бывают искажены (так, например, Татищев оказался заинтересованным европейским театром. Ср.: В. Г. Федоров. К истории екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева. Материалы к биографии В. Н. Татищева. Свердловск, 1964, стр. 82).

⁴ История российская, т. II. М.—Л., 1962, стр. 83.

это деление исторических трудов «по временам», которые они изучают: древние, средние и новые, деление новейшее для тех времен, упрочившееся благодаря руководствам Целлария и господствующее еще и теперь. Наконец, подводящее нас уже непосредственно к характеристике «Истории российской» третье деление исторических трудов. Это деление, как его определяет Татищев, «по порядку» изложения: одни располагают в своих работах события «по областям», другие «по владетелям» («архонтология», «о государях сказания»), третьи «по годам». «Сие, — пишет Татищев о последних, — называется хронограф или летопись, а Нестор имянует Времянник», «как то, — поясняет Татищев далее, — здесь вторая и протчие части сея Истории представляют».⁵

Однако конечному взгляду Татищева на характер, который был придан «Истории российской» и в отношении «порядка» ее, и в отношении некоторых других ее сторон, предшествовали немалые колебания ее автора. Татищев не раз менял свои взгляды и, в конце концов, оставил нам не одну, а две существенно различные «Истории российские».

Первым решением Татищева было последовать именно новейшим, ему хорошо известным, приемам построения исторических трудов. Говоря словами самого Татищева, он хотел сочинить свою «Историю» «настоящим гисторическим порядком»,⁶ располагая изложение не в порядке лет, а в порядке событий («сводя из разных лет к одному делу»). Все это изложение Татищев предполагал вести, естественно, в таком случае отнюдь не на древнем языке своих летописных источников, а на современном ему литературном языке. По словам Татищева, он, как и был намерен, «зачал» сочинять вторую часть⁷ именно упомянутым только что «настоящим гисторическим порядком». К величайшему нашему сожалению, среди сохранившихся бумаг Татищева нет ни одного листа, который оказался бы следом этой самой начальной стадии работы Татищева над «Историей российской». Очень быстро, по-видимому, после самого начала такой работы над «Историей», произошел первый перелом во взглядах Татищева: он усомнился в целесообразности при написании им своей Истории идти по путям, проложенным новейшими западными образцами.

Первым источником, с которым пришлось Татищеву ознакомиться, когда он приступил к работе над «Историей российской», была «Кабинетная» летопись, переданная ему из собственной библиотеки Петра I Яковом Брюсом. Когда Татищев с нею озна-

⁵ История российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 82.

⁶ Так в первой редакции «Истории российской», т. IV, стр. 38; во второй редакции «настоящим» опущено (т. I, стр. 90).

⁷ «Историю российскую» Татищев разделил на четыре части: первая — долетописная, до Рюрика; вторая, третья и четвертая — на основе летописей, от Рюрика до татарского нашествия (II), до Ивана III (III), до Михаила Федоровича (IV).

комился, ему показалось, что «лучше оной было непотребно» для выполнения поставленной перед ним задачи.⁸ Однако, получив затем другие летописи, Татищев обнаружил, что если даже некоторые из манускриптов оказывались «по надписям и одного творца», все же и в таком случае нельзя было «сыскать, чтоб два во всем равны были: в одном то, в другом другое сокращено или пространнее описано, инде пропущено или потеряно, инде обстоятельство невероятное прибавлено».⁹

Эти затруднения историко-критического порядка оказались усугубленными другими трудностями, уже архивно-библиотечного характера. Лишь часть используемых Татищевым рукописей, как он отмечал, находилась в «постоянной государственной книгохранительнице» или в монастырях. Большинство же рукописей было «в руках разных людей» и переходило «часто из рук в руки». Ссылаться на неизвестно где находящиеся рукописи, конечно, было бы невозможно. При таких условиях Татищев опасался, что если он переменит порядок летописного повествования, излагая события не по годам, а «по делам» и изменит «наречие» с древнего на новое, то в случаях сомнений, правильно ли передано им то или иное летописное известие, проверка текста его «Истории» оказалась бы невозможной. А это для Татищева значило бы «вероятность погубить» весь его многолетний труд. В итоге таких размышлений Татищев отказался от «гисторического» порядка изложения «Истории» и, говоря его словами, «рассудил за лучшее писать тем порядком и наречием, каковы в древних находятся, собирая из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они написаны, ни переменяя, ни убавляя из них ничего, кроме не надлежащего к светской летописи».¹⁰

Такие «порядок» и «склад» первоначальной редакции «Истории российской» вызвали порицания со стороны некоторых петербургских ее читателей. Татищев им возражал, что он сочинял свою «Историю не для увеселения читающих красноречивое сложение» и что он «о сладкоречии и критике не прилежал».¹¹

Нечего говорить, что в составе такого строго летописного изложения не могли найти себе места ни плоды обширной учености, ни его богатый жизненный опыт, служившие ему не раз благодарным материалом для критики летописных известий и для сравнительно-исторических сопоставлений явлений русской, западной и восточной историй. Все эти разнообразные сведения, которые, при «гисторическом» приеме изложения явились бы составными частями самого текста «Истории российской», теперь были сведены Татищевым в особую часть его «Истории» — в примечания. В особой главе «О причине Предызвещения и примечаний» Тати-

⁸ История российская, т. I, стр. 123, 89.

⁹ Там же, стр. 91.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 86.

щев разъяснил, что «в порядке летописи где что изъяснения или от чужестранных и доказательства требовались, оное я, числами назнача, особно приобщил».¹² Таких примечаний в первой редакции второй части татищевского труда набралось пятьсот, а по размеру на 366 страниц текста собственно «Истории» пришлось 94 страницы примечаний.

Итак, навряд ли даже в первой редакции второй части (охватывающей время от Рюрика до татарского нашествия) Татищев был своего рода завершителем летописного периода истории нашей историографии. Новыми были здесь мотивы следования летописному типу изложения, совершенно новым был и прием ученого комментирования. Дело особого исследования, в какой мере Татищев следовал поставленным им себе задачам и приемам составления своего труда в этой первой его редакции. Но это особая тема, возбудившая в прошлом немало споров, не затихших и в наши дни.

Собираясь послать в Академию наук эту часть «Истории российской» как «часть оконченную и набело переписанную» с «примечаниями, регистры и партреты князей великих», Татищев писал И. Д. Шумахеру 1 мая 1746 г., что «сия, чаю, не более, как в архиву или библиотеку академическую годна».¹³ Так и случилось: эта первая редакция второй части пролежала в Академической библиотеке более двухсот лет и увидела свет только в 1964 г. Категорическое признание Татищевым непригодности для печати этой редакции его труда было последствием новых его размышлений о задачах, которые следует поставить перед сочиняемой им «Историей российской». Вкратце эти размышления изложены Татищевым в его письмах 1746 г. К. Г. Разумовскому. Здесь Татищев возмущается тем, что в изображении своего исторического прошлого «Россия от чужестранных принуждена терпеть наветы и поношения». Татищев видел причину таких безнаказанных искажений иноземными историками русской истории именно в том, как относились к истории своего отечества в современной ему России. Он писал Разумовскому: «Сие недивно и сердится нам правильно нельзя для того, что у нас гисторическое искусство и труд презируют; не токмо сами трудится не хотят, но другим от незнания или злости препятствуют».¹⁴ Подобные соображения привели Татищева к заключению, что если все это «правильною и порядочною историею исправлено не будет, то клеветы за старением в истину вменяются».¹⁴

Те же мысли Татищев изложил в обстоятельном «Предызвещении» ко всему своему труду. Татищев так здесь писал: «Наипаче же нужна сия гистория не токмо нам, но и всему ученому

¹² Там же, т. IV, стр. 39.

¹³ Исторический архив, т. VI. М.—Л., 1951, стр. 250.

¹⁴ Там же, стр. 263.

миру, что чрез нея неприятелей наших, яко польских и других, басни и сущие лжи, к поношению наших предков вымышленные, обличатся и опровергнутся».¹⁵

Однако воздействовать на европейскую историческую литературу и на европейскую общественную мысль нельзя было и думать, как полагал Татищев, пока «История российская» не будет переведена на какой-либо иностранный язык. Татищев писал, что это дело «необходимо для знания о том в Европе требуется».¹⁶ О переводе своей «Истории» Татищев думал и ранее, составляя ее еще на древнем наречии. Сперва он собирался свою «Историю», «перевести на французской язык, вскоре по напечатании русской сдать».¹⁷ Однако французского языка Татищев не знал. Опасаясь, чтобы переводчик в чем-либо «не погрешил», чего сам он за незнанием языка усмотреть не мог бы, Татищев «рассудил лучше на немецкой перевести». В письме 1743 г. Татищев просил Академию наук, чтобы она сыскала переводчика, которому за проезд и труды Татищев сам собирался уплатить. Как полагал теперь Татищев, его «История российская» на древнем наречии мало пригодна для целей перевода, так как перевести с древнего наречия на какой-либо другой язык «было бы многотрудно или неудобно». Однако, если его «История» будет написана на новом современном ему наречии, то тогда возможно будет «свободно на русском напечатать и на другой язык перевести, понеже гораздо вразумительнее настоящей».¹⁸

Таков был один мотив, руководивший Татищевым при сдаче им в архив первой редакции второй части его труда.

Был и другой мотив, побудивший Татищева к переработке его труда с древнего на новое наречие. Мотивом этим было стремление сделать свою «Историю» возможно более доступной для широкого круга современных ему русских читателей. Эта забота в известной мере была налицо у Татищева уже и при составлении своего труда на затруднительном для тогдашнего современника древнем наречии. Татищев оговорил в своем «Предызвещении», что в древнем наречии его «Истории» окажутся «такие слова, которые давно не употребляемы быть стали»; при этих словах Татищев обещал давать в скобках их новое значение, а затем приобщить в конце «оним алфаветическую роспись»; это должно было бы оказаться «небесполезным», с точки зрения Татищева, и для всех тех, «кому случится древние письма обрести».¹⁹ В своем позднейшем «Предызвещении» Татищев мотивировал то, что он «принужден всю ее (т. е. «Историю российскую») в настоящее

¹⁵ История российская, т. I, стр. 81.

¹⁶ Там же, стр. 91.

¹⁷ Материалы для истории имп. Академии наук, т. I. СПб., 1889, стр. 519—520.

¹⁸ Исторический архив, т. VI, стр. 250.

¹⁹ История российская, т. IV, стр. 39.

наречие переложить», именно тем, что «оное в наречии древнем и паче инде от краткости, инде от избыточного распространения повести не всякому вразумительно».²⁰

Однако «История российская» на новом наречии должна была стать более доступной читателю не только благодаря знакомому современному ему языку. Вспомним, что в тексте на древнем наречии Татищев прежде всего был озабочен тем, как бы ему «вероятность не погубить» и из этих побуждений включал в свой текст только летописные известия. Теперь он полагает, что написанная «настоящим наречием и яснейшим слогом» его «История» будет, как он писал К. Г. Разумовскому, «гараздо ясняе, ибо многое из Степенной для прикрасы речения беру».²¹ В перечень пополняющих летописные данные источников Татищев, помимо Степенной, помещает хронографы и другие памятники древнерусской письменности.

Действительно, Татищеву во многом удалось решить поставленную им перед собой новую задачу. Единственная часть «Истории российской», которую он успел до смерти заново написать на новом наречии, значительно увеличилась в своем содержании и объеме (вместо прежних 271 страницы, не считая примечаний и указателей, новая редакция того же повествования о судьбах Руси от Рюрика и до нашествия татар заняла теперь 396 страниц).²² Не потеряв своей «вероятности», она в то же время приобрела теперь новые черты литературного изложения исторического прошлого.

В те же годы, когда Г. Ф. Миллер приступил к посмертному изданию исторического труда Татищева, начал печатать свою «Историю российскую с древнейших времен» кн. Мих. Мих. Щербатов, имевший в своем распоряжении благодаря немалой помощи со стороны Г. Ф. Миллера значительный свежий архивный материал. Тем не менее читатели и ученые явно предпочли литературное изложение Татищева изложению Щербатова. Екатерина II, интересу которой к сочинению истории обязано издание третьей части татищевского труда, писала: «История кн. Щербатова и скучна и тяжеловага; голова его не была способна к этой работе. История Татищева совсем другое дело: это был ум человека государственного, ученого и знающего свое дело».²³ Самый выдающийся по остроте своего ума и по своему стилистическому чутью историк XVIII в. генерал-майор Иван Никитич Болтин в своих «Критических примечаниях» на «Историю» Щербатова постоянно противопоставляет соответствующие тексты Щербатова текстам

²⁰ Там же, т. I, стр. 91.

²¹ Исторический архив, т. VI, стр. 250, 252.

²² История российская, т. IV, стр. 107—378 (первая редакция); т. II, стр. 25—193 и т. III, стр. 9—237 (вторая редакция).

²³ Письмо Екатерины II Сенаку де Мельяну, июнь 1791 г. — В кн.: Сборник имп. Русского исторического общества, т. 42, 1885, стр. 199.

«достопамятного нашего Татищева». В целом ряде случаев Болтин отмечает такие качества труда Татищева, как то, что «повествование его достойно есть совершенной достоверности» и что он описывает события «просто, но вразумительно, обстоятельно, но без излишеств», в то время как описание Щербатова «непонятно, если он в летопись Татищева не посмотрит».²⁴ Не безынтересно свидетельство такого строгого критика чужих работ, как Август Шлецер. Он пишет, что «История» Татищева «получила большую известность (eine hohe Reputamee), в рукописи она перешла из рук в руки, она была долгое время и частью является и теперь оракулом для всех читателей летописей».²⁵ Цель, поставленная себе Татищевым при переработке его «Истории» на новое наречие, была в известной мере достигнута.

Поэтому справедливее считать В. Н. Татищева не столько последним представителем отмиравшей древнерусской летописной историографии, сколько первым представителем возникающего нового типа историографического труда. Таковым Татищев является и как исследователь в своих обильных примечаниях к тексту «Истории», и как повествователь в своем стремлении создать труд, который был бы привлекателен и доступен не только для современного ему русского читателя, но мог бы привлечь внимание и читателя тогдашнего западноевропейского мира.

²⁴ Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794, стр. 117, 128.

²⁵ A. L. Schlözer. Nestor. Russische Annalen, Erster Theil. Göttingen, 1802, стр. 93; В. С. Иконников (Опыт русской историографии, т. I, кн. 1, Киев, 1891, стр. 183, прим. 7) считает, что Татищев понимал требования ясного изложения и красоты слога, но невыработанность русского языка того времени мало способствовала выполнению этого требования.